

ГЛАВА ВТОРАЯ

«КАРФАГЕНСКИЙ МИР»

«Нужно сделать что-нибудь новое, но чтобы это не было ни милитаризм Бисмарка, ни большевизм Ленина. Для этого необходимо прочное военное положение, большое чувство меры и вера в народ, выражающаяся в демократизме без анархизма»¹. Так писал историк и бывший министр иностранных дел Франции Габриэль Аното в своей докладной записке, поданной в генеральный штаб 11 ноября 1918 года, т. е. в день подписания германской капитуляции, именуемой условиями перемирия, и за два дня до аннулирования советским правительством Брестского договора и всех последующих соглашений, навязанных стране Советов германским империализмом. Время составления и содержание этой записки имеет свой политический смысл, а заключенные тут суждения приобретают свой истинный характер и программную значительность в свете тех общих и основных проблем, которые встали перед империалистической группировкой, именуемой Антантой, — а, главным образом, перед политикой французского империализма, тогда, когда нужно и можно было приступить к реализации своей победы, зафиксированной в Компьенском лесу. Если угодно, в предложенной политической формуле можно уловить, правда, в весьма схематичном, сконденсированном виде, ту основную линию, которая проложена была в результате борьбы различных сил и элементов на Парижской конференции «Союзных и объединившихся держав», собравшейся 18 января 1919 года, чтобы в результате войны, охватившей большую часть человечества и преобразовавшей всю систему мировых отношений, выработать условия мира. Когда Клемансо, фактически установивший во Франции свою диктатуру, перефразировав афоризм Бернгарди, сказал, что этот мир будет все той же войной, но продолженной другими средствами, он этим самым выдал секрет будущего Версальского трактата и той позиции,

¹ Gabriel Hanotaux. Le Traité de Versailles du 28 juin 1919. L'Allemagne et l'Europe. Paris. 1919. p. 174.

которая занята была французской политикой на Парижской конференции. Но этот разоблаченный секрет требует своего дальнейшего рассмотрения и наполнения конкретным содержанием, ибо весь вопрос в том, каковы эти средства, против кого они направлены и, далее, кто, в какой обстановке и в каких целях этими средствами пользуется? Выраженная в отрицательных терминах вышеприведенная программная формула Габриэля Аното тем и характерна, что в ней, в момент низвержения германского империализма, схематично указано направление дальнейшей борьбы, как оно понималось представителями французского империализма и как оно действительно впоследствии реализовалось в работах Парижской, считавшей себя мирной, конференции, собравшейся для разрешения сложнейших проблем мирового жизнеустройства. Судьба Германии—эта центральная проблема сразу выступила для побежденной Антанты в своей неразрывной связи с проблемой большевизма, вопрос о Центральной Европе стал рассматриваться под углом зрения связи с Восточной Европой. А к такой постановке вопроса, удачно выраженной Аното, обязывала вся сложившаяся ситуация, интересы же победившей империалистической группировки определяли и тот угол зрения, под которым воспринимались развертывающиеся события, и те методы борьбы, которые были предложены или использованы. Мощное развитие революционного движения, охватившее всю Восточную и Центральную Европу, установление советского режима в России, быстрая радикализация рабочего класса в побежденных странах, рост спартаковского движения в Германии, радикально-социалистического в Австрии, провозглашение советского строя в Баварии и Венгрии, наконец, сильное забастовочное движение в Англии, Франции, Италии,—такова была общая социально-политическая обстановка, на фоне которой работала Парижская конференция. «При каждом новом повороте переговоров,—пишет председатель американского комитета печати на Парижской конференции, сравнивая последнюю с Венским конгрессом,—поднимался с Востока, подобно мрачной туче, призрак хаоса, грозивший охватить и уничтожить весь мир. В Вене не было России, стучавшей в дверь. В Вене, очевидно, не было революции, которая неустанно грозила Парижу»¹. И Париж, собиравшийся разрешить Германскую проблему,—понимая под этим весь комплекс вопросов европейской и колониальной политики, вынужден был одновременно предпринять шаги к разрешению проблемы, вы-

¹ Ray Stannard Baker. Woodrow Wilson and World Settlement. Volume I. New-York 1923. p. 102. Русский перевод: С. Бекер. Вудро Вильсон. Мировая война и Версальский мир. Библиотека современных мемуаров 1923. Стр. 130.

двинутой интенсивным и экстенсивным ростом того, охватившего всю Европу, движения, которое разразилось Октябрьской революцией в России и стало подступать к его—Парижа—собственным предместьям. Российская революция, организованная в Советское государство, представляя собой наиболее действительный пример борьбы рабочего класса и исторического преодоления парламентаризма, сразу стала в центре внимания Парижской конференции, для которой проблема крушения центрально-европейских империй, низвержения германского империализма оказалась неразрывно связанной с проблемой революции на Востоке, с проблемой Советской России. Реально-политическая связь обеих проблем для победившей империалистической группы держав была так ясна, что она выразилась даже в хронологическом их выдвижении: уже через три дня после начала работ конференции, собравшаяся для выработки условий мирного договора с Германией, обсуждала вопрос об отношении к Советской России¹. Эта непосредственная связь между двумя основными проблемами, выдвинутыми фактом поражения Германии и победы революции в России, совершенно отчетливо рисовалась победившей Антанте, перед которой встала задача не только добить и обессилить своего наиболее мощного врага и соперника на мировом рынке—Германию, но и одолеть новую могучую и опасную силу. В каждом элементе сложного комплекса вопросов, выдвигаемых на Парижской конференции так или иначе отражалось, как в смысле постановки, так и в смысле общего его разрешения, это двойственное направление генеральной политической линии, определявшееся фактом поражения германского империализма и победы российской революции. Вокруг каждого из этих вопросов протекала напряженнейшая борьба между тремя руководящими силами—Францией, Великобританией и Америкой. Фактом краха Четверного союза определялась и перестановка сил в системе: Антанта—Германия—Советская Россия, вскрылись основные противоречия интересов в стане самой Антанты,—и это неизбежно проявлялось на Парижской конференции, в работах которой над мирным договором с Германией так или иначе отражалась и проблема борьбы с Советской Россией. В этом отношении весьма характерно то, что и Вильсон, и Лансинг, эти выразители различных и противоположных линий американской политики, считали договор с Германией первой предпосылкой успешной борьбы с обще-европейским революционным движением², с «ядом большевизма», за

¹ Temperley. A History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI. London 1924. p. 312.

² Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. Berlin 1921. S. 83.

новый порядок, устанавливаемый «по возможности добром, если потребуется — злом». К этой оценке, на которой сошлись представители двух борющихся в американской действительности сил, могли бы примкнуть и все другие участники Парижской конференции, — но весь вопрос заключался в том, каковы будут реальные условия выработки договора, а в связи с этим и вопрос о том, каковы будут методы борьбы. И тут, на пути к установлению этих основ и этих методов, и разгорелась внутренняя борьба между главными победителями, ибо граница их единства — полная капитуляция Германии — была предварительно достигнута условиями перемирия.

Уже самый факт принятия нотой от 5 октября 1918 г. в основу будущих мирных переговоров четырнадцати пунктов программы Вильсона — свидетельствовал о том, что германский империализм, ведя войну на чужой территории, вынужден отказаться от своих аннексионистских замыслов и готов идти на такой компромисс, который являлся для него тяжелым ударом. Еще не так давно от ответственных представителей германской политики трудно было добиться вразумительного ответа о будущей судьбе Бельгии. Если получаемый ответ и звучал недвусмысленно, то только так, что можно было различить германские планы вассализировать Бельгию. Теперь, принимая программу Вильсона, как основу для мирных переговоров с Антантой, — если исключить весьма туманные пункты (к тому же дающие возможность весьма различного и широкого толкования фактически той силе, которая завоюет это право) об уничтожении тайной дипломатии, о свободе судоходства на морях вне территориальных вод, о «свободном чистосердечном и абсолютно беспристрастном разрешении всех колониальных вопросов», об «устранении, насколько это возможно, всех экономических барьеров и установлении равенства условий для торговли всех наций, — стоящих за мир и объединяющих свои усилия к поддержанию такового», о Лиге Наций, — Германия соглашалась идти на большие уступки, ибо соответствующие, более реально и конкретно очерченные пункты означали: эвакуацию и восстановление Бельгии, отказ от попыток ограничить ее суверенитет, эвакуацию всей французской территории и возвращение Франции областей Эльзас-Лотарингии, распад Австро-Венгрии и расчленение ее территорий на новообразующиеся национальные государства, эвакуацию Румынии, Сербии и Черногории, автономию для национальностей, живущих под властью Османской империи, свободный проход для всех судов через Дарданеллы. Вильсоновские пункты, касавшиеся позиции Германии на Востоке Европы, означали отказ от Брестского и Бухарестского мира, отказ от Познани, части

Силезии и предоставление доступа к морю в пользу создаваемого независимого Польского государства.

Между первой нотой германского правительства, выражающей согласие вступить в мирные переговоры на упомянутых условиях, и фактическим подписанием перемирия прошло, как известно, более месяца,—и это время было хорошо и сознательно использовано Антантой в целях получения реальных гарантий германской капитуляции. Отвечая вынужденным согласием эвакуировать занятую территорию, германское правительство (в ноте от 12 октября) подчеркивало, что «целью при вступлении в переговоры является только соглашение относительно практических деталей осуществления вышеозначенных (т. е. вильсоновских.—А. Е.) условий». Оно, таким образом, старалось формально закрепить в виде, так сказать, контракта тот максимум уступок, который в условиях реального соотношения сил, в том числе эвакуации занятых областей,—легко, под напором Антанты, мог обратиться в минимум. Весь политический смысл целый месяц продолжавшихся германо-американских переговоров о перемирии сводился, между прочим, к тому, что Германия старалась формально застраховать себя от предстоящего на мирной конференции дальнейшего напора противника, а Антанта старалась реально застраховать себе возможность диктовать условия повергнутому врагу. Этим последним и объясняется требование Вильсона и всей стоящей за ним Антанты (выраженное во второй ноте от 14 октября) того, чтобы выработка деталей перемирия была предоставлена военным советникам С. Штатов и союзников, чтобы была обеспечена полная невозможность возобновления военных действий со стороны Германии, чтобы подводная война была прекращена. Следующая нота (от 29 октября) еще более определенно требовала такого перемирия, «которое дало бы С. Штатам и союзным державам возможность провести силой всякое условие, какое может быть ими выдвинуто, и которое сделало бы возобновление враждебных действий со стороны Германии невозможным». И когда, наконец, германское правительство, стараясь предупредить революцию, спасая династию, вынуждено было, всячески обходя недвусмысленные и настойчивые намеки Вильсона об отречении Вильгельма, согласиться на все заранее обессиливающие Германию условия перемирия,—Антанта предъявила еще два требования, вводя две оговорки: в первой Антанта оставляла за собой право толкования принципа свободы морей, а вторая гласила следующее: «В мирных условиях, изложенных в обращении к Конгрессу от 8 января 1918 г., президент объявляет, что занятые неприятелем территории должны быть восстановлены, равно как территории эвакуированные

и освобожденные. Союзные правительства считают, что не должно быть никакого сомнения относительно этой оговорки. Они понимают под ней обязательство Германии возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзников, равно как и его имуществу, ее нападениями на суше, на море и с воздуха»¹. Приняв эти оговорки, Германия потеряла последнее—формальную позицию, закреплявшуюся в переписке с Америкой о перемирии, дающую прозрачное право не идти на дальнейшие существенные уступки. Реальная позиция была уже безнадежно потеряна и, следовательно, занята Антантой, которая условиями перемирия предвосхитила будущие условия Версальского договора и получила неограниченную со стороны Германии возможность дальнейших нажимов. Кроме эвакуации занятых областей, выдачи большого количества военных материалов, орудий, транспортных средств, немедленной репатриации без взаимности всех военнопленных, принадлежащих к армии союзников и С. Штатов, германское правительство согласилось эвакуировать свои армии из местностей левого берега Рейна, которые были заняты войсками победителей, признало право Антанты на «возмещение убытков» и согласилось выполнить еще целый ряд обязательств финансового и военно-стратегического характера, которые превратили предварительную германо-американскую переписку, рассматривавшуюся побежденной страной, как гарантийный контракт,—именно с этой точки зрения, в куски ни к чему победителей не обязывающей бумаги. Все рычаги для давления на Германию перешли в руки Антанты. Германия из субъекта самостоятельной мощной империалистической политики превратилась в условия перемирия в объект империалистической политики союзных и объединившихся держав, которые создавшееся положение тотчас же постарались использовать для своих собственных целей и, в первую очередь, для борьбы с Советской Россией. Последняя надежда германских империалистов—добиться облегчения условий капитуляции на Западе взамен предоставления Антанте сил для борьбы на Востоке—рухнула. Планы, рассчитанные на ту компенсацию, которую предполагалось получить на Востоке взамен потерь на Западе и в колониях, были, конечно, весьма соблазнительны для германского империализма: аннексия больших территорий, экономическая экспансия в страну, в которой в довоенное время германский ввоз стоял на первом месте и

¹ Materialien, betreffend die Friedensverhandlungen. Teil I. Amtlicher Text. Der Notenkampf um den Frieden in Versailles. Charlottenburg 1919. N. I. S. 5.

которой были навязаны тягчайшие соглашения финансового и иного характера,—все это могло возместить потери. Но эти планы и расчеты не могли осуществиться. Брестский мир был аннулирован советским правительством, а отказаться от него заставила Германию Антанта, которая уже в условиях перемирия потребовала эвакуации германских войск из территории бывшей Российской империи, но вместе с тем сделала существенную оговорку о том, что эта эвакуация должна состояться «как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий». Эта оговорка вместе с требованиями предоставления союзникам свободного доступа на территории, эвакуированные немцами на восточных границах, либо через Данциг, либо через Вислу,—означала то, что Антанта, не давая победленной Германии никакой компенсации, старалась немедленно использовать ее в своих целях для борьбы с Советской Россией. Предприняв интервенцию против Советской России под предлогом борьбы с Германией¹, Антанта теперь стала пользоваться германскими войсками для поддержки своей интервенции. В условиях перемирия для Германии стало не автономным правом, а вмененной обязанностью оставаться в оккупированных ею на Востоке областях для борьбы с Советской Россией, при чем иногда, как например, в Николаеве, деятельностью германских войск руководили представители союзного командования². Однако эта политика Германии на Востоке никакими компенсациями со стороны Антанты не окупилась. Франция явно затягивала начало работ мирной конференции, отодвигала демобилизацию своей армии, стараясь превратить условия будущего договора в *fait accompli*. Неоднократно возобновляемое соглашение о продлении перемирия между союзниками и Германией сопровождалось обязательными дальнейшими захватами. Оккупация нейтральной зоны правого берега Рейна, оккупация сектора Страсбургских укреплений, т. е. захват Эльзас-Лотарингии, богатейшего каменным углем Саарского района и глубокого клина правобережной территории Рейна, таковы были новые требования Антанты и уступки Германии, положенные

¹ Президент комитета иностранных сношений сенатор Хичкок называл в качестве одной из причин отправки в Россию американских войск — необходимость воспрепятствовать созданию в Архангельске базы подводных лодок. Телеграмма Народного Комиссара по иностранным делам РСФСР Чичерина на имя государственного секретаря С. Штатов Америки от 12 января 1919 г.

² Протест против пребывания иностранных войск на Украине. Обращение Председателя Временного Рабоче-Крестьянского Правительства и Народного Комиссара по Иностранным делам Украины Раковского на имя Французского, Великобританского, Итальянского, Японского и Американского правительств 6 февраля 1919 г.

в условия дальнейшего продления перемирия¹. Сюда же, к условиям территориального порядка, относится запрещение переходить установленную линию в Восточной Пруссии, что означало отторжение от Германии Познани в пользу Польши. Тем же соглашением о продлении перемирия Германия вынуждена была согласиться отдать весь свой торговый флот под контроль и под флаг союзных держав и С. Штатов. Победители аргументировали это требование необходимостью «обеспечить снабжение Германии и остальной Европы продовольственными припасами», а между тем жесточайшая блокада, которой была окружена Германия, еще долго не прекращалась, так как Антанта видела в этом лишнее средство физически задушить своих побежденных противников. И лишь в конце апреля блокада была снята вопреки Франции и по настоянию Америки: «Мы не верим, что блокада могла бы быть действительным инструментом водворения мира,—аргументировала одна докладная записка, поданная Вильсону,—но она вполне действительна для усиления большевизма»². С принятым решением аргументация эта несколько не вязалась: дело в том, что блокада по отношению к «большевистской России и большевистской Венгрии» осталась в силе. Это последнее решение было одним из логических выводов всей политической линии в отношении Советской России. Но в данном случае важно отметить то, что для империалистической Антанты проблема отношений к побежденной Германии так или иначе, но неизбежно упиралась в проблему борьбы с революционным движением,—и в первую очередь с Советской Россией. В этом отношении характерно также навязанное Германии, в качестве одного из условий продления перемирия³, требование допустить в Берлин военную комиссию для контроля над русскими военнопленными и для урегулирования их репатриации, т. е. для переправки их в контр-революционные армии, борющиеся с Советской Россией⁴.

Германский империализм, запутавшийся в противоречиях, созданных собственными руками в Брестском мире, изнутри взорванный могучей революционной волной, был низвержен и теперь физически обезоружен первоначальными

¹ Соглашения о продлении перемирия в Трире от 13 декабря 1918 г., 16 января и 16 февраля 1919 г.

² Sidney Brooks. *Amerika and Germany 1918—1925*. New—York. 1925. p. 41.

³ § 4 соглашения о продлении перемирия, заключенного в Трире 16 января 1919 г.

⁴ Нота Народного Комиссара по иностранным делам РСФСР Чичерина, адресованная правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и С. Штатов в связи с условиями соглашения о продлении перемирия с Германией. 21 января 1919 г.

ми и последующими условиями перемирия. Мелкие державы и впоследствии даже Италия были оттерты от непосредственного участия в выработке условий мирного договора, а побежденный противник, впервые в истории нового времени, вовсе не был приглашен к работам конференции. Три великих державы—Франция, Великобритания и С. Штаты—забрали в свои руки руководство конференцией и судьбы побежденных,—и уже в том порядке выдвижения на первый план проблем, как и в их постановке,—который рекомендовался каждой из этих держав, сказался специфический индивидуальный интерес и проявлялись вскрывшиеся между ними противоречия. Воспользоваться этими противоречиями, повторить политику Талейрана Германии не удалось, ибо у нее не имелось необходимой базы для маневрирования, для активного вмешательства. Говоря об этом, следует иметь в виду не техническую невозможность, столь понятную, в условиях, когда представители германского правительства не были приглашены в Париж, а нечто неизмеримо большее: общую социально-политическую ориентацию тех сил, в руки которых попала власть после ноябрьской революции и которые, прибегая к самой беспощадной борьбе, эту власть удерживали, дабы не допустить ломки социально-экономических отношений. Германия, загнанная в тупик и искавшая выхода, стояла на историческом перепутьи, и выбор из двух основных, открывающихся перед ней, направлений в международной политике в последнем счете определялся тем, какая социальная сила выйдет победителем из бурлящего котла революционной борьбы. Победа спартаковцев означала бы провозглашение в Германии советского строя, и перед германской внешней политикой тотчас же открылась бы перспектива ориентации на Восток. Для Антанты создалась бы самая страшная комбинация: политический и военный союз Советской Германии и Советской России. Однако новая комбинация была страшна не только для империалистической Антанты, но и для побежденной германской буржуазии, которая в борьбе с социальной революцией поддерживала социал-демократическое правительство. Борьба за направление внешней политики Германии является как бы продолжением внутренней социально-политической борьбы классов: поскольку в условиях революционной борьбы внешне-политическая ориентация на Советскую Россию лежала через социальную революцию, правящие классы Германии не могли получить широкой базы для самостоятельной политики противодействия Антанте и стали на другой, противоположный путь: борьба с социальной революцией, восстановление социальной устойчивости капиталистических отношений, восстановление и консолидация кредита, как условие привлечения

интересов американского банковского капитала, получение займа, который облегчил бы дальнейшую борьбу с революцией и дал бы возможность внешне-политически опереться на С. Штаты и тем самым добиться уступок в мирных переговорах с Антантой. Это круговое сплетение внутренне и внешне-политических линий правящих классов Германии очень хорошо выражено было в той политической программе, которая предложена была в виде секретного документа вступающим в обязанности министра иностранных дел графом Брокдорф-Рантцау и которая, очевидно, была принята правительством Шейдемана. Программа эта в основном сводилась к четырем пунктам: установление такой внутренней ситуации, которая означала бы кредитоспособность Германии и позволила бы получить американский заем, образование республиканской армии, внешне-политическая ориентация на С. Штаты и защита программы Вильсона и, наконец, ограничение сферы компетенции советов рабочих и солдатских депутатов¹. Внутренне-политическая линия борьбы с социальной революцией за стабилизацию капиталистических отношений вела, таким образом, в области внешней политики к ориентации на Америку и к поддержке приемлемой в данных условиях программы вильсонизма. И еще две черты иллюстрируют эту общую социально-политическую ориентацию: германское правительство не упускало случая подчеркнуть, как бы желая этим рассеять всякие сомнения и опасения у Антанты и в Америке, что оно опирается не только на рабочую демократию, но и на буржуазные классы народа, а с другой стороны, выступило с требованием интернационального регулирования социального вопроса. Полученный в Брест-Литовске от советской дипломатии урок не прошел, очевидно, бесследно: своим лозунгом интернационального рассмотрения вопроса о социальном освобождении рабочего класса германское правительство как бы апеллировало к европейской демократии, надеясь тут снискать себе поддержку. Развита при этом аргументация сводилась по существу к тому, что обращение к социальному вопросу диктуется предостерегающим примером русского большевизма², — черточка, лишний раз акцентирующая общее направление политики германского правительства. Политический курс на Америку и поддержка вильсонистской программы, как база противодействия дальнейшим требованиям Антанты,

¹ Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. 1920. S. S. 7-12. Promemoria. Anlage zum Schreiben an den Volksbeauftragten Scheidemann. 9. Dezember 1918.

² Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. S. S. 54—56. Programmrede vor der Verfassungsgebenden Deutschen National—Versammlung. 14. Februar 1919.

перспектива вступления в организуемую Лигу Наций в качестве равноправного члена, поиски моральной поддержки широких кругов европейской демократии и дипломатической поддержки нейтральных стран,—таково было на первых порах общее направление официальной германской политики. Чтобы снять с себя, навязываемую Антантой, виновность за войну, германское правительство всячески подчеркивало свою новую социальную природу,—однако в своих отношениях к Советской России оно продолжало прежнюю, еще до революции установленную политическую традицию. Это выразилось не только в демонстративном отказе от партии хлеба, посланной Советской республикой голодающим Германии, но и в общей программе и конкретных высказываниях ответственных руководителей германской политики. Противодействуя польскому движению на Востоке, германское правительство призывало поляков не срывать общего фронта против «большевистского империализма»¹. Регулировать свои отношения с Советской Россией официальная германская политика в это время считала возможным только идя по стопам Антанты². Ставка поставлена была на помощь американского капитализма, при поддержке которого, опираясь на принципы вильсонизма, закрепленные, как основа для мирных переговоров, в германо-американской переписке о перемирии, германская политика рассчитывала получить приемлемый мир, сделать минимум территориальных уступок, так или иначе сохранить за собой колониальные владения, получить возможность восстановить свой полуразрушенный народно-хозяйственный организм и свою заморскую торговлю. Повернувшись спиной к Востоку, правящие классы Германии искали выхода в Америке, однако, ничего не нашли, кроме того тупика, который создан был на Парижской конференции в виде системы Версальского мира.

Американские принципы вильсонизма в своей наиболее абстрактной, не обязывающей и привлекающей, как соломинка утопающего, форме сыграли свою роль и либо были вовсе отставлены, либо стали наполняться конкретным содержанием реальных экономических и политических интересов, как они понимались правящими классами Франции, Великобритании, С. Штатов и Италии.

Американский империализм, развернувший свою бурную и, казалось, неисчерпаемую активность в экономической, финансовой, военной и продовольственной помощи Антанте в ее борьбе с Германией, проявил относительно пассивность в своей политической деятельности на Парижской конференции. Германия была побеждена, условия во-

¹ Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. S. 51.

² Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. S. 60.

зобновленного перемирия закрепляли победу Антанты,—и уже в этом одном интересы американского империализма казались удовлетворенными. Крушение германского империализма рисовало перспективы господства и значительного увеличения удельного веса экономических интересов С. Штатов там, где Германия ранее выступала грозным конкурентом, означало ликвидацию опасного, деятельного, исторически-испытанного члена или организатора антиамериканской коалиции¹, означало, наконец, то, что государства победившей группировки—именно как победители, смогут выполнить все свои обязательства, смогут выплатить свои долги и проценты по ним. Активность американской политики по выработке мирного договора с Германией проявилась больше, так сказать, с отрицательной стороны, т. е. тогда, когда приходилось бороться с такими слишком далеко идущими претензиями или требованиями партнеров по игре—Франции и Великобритании,—которые, чрезмерно усилив эти первоклассные силы мировой политики, могли бы в будущем сделать их опасными соперниками. Относительная пассивность и уступчивость американской политики отчасти объяснялась еще тем, что к началу мирной Парижской конференции американские войска были на французской территории лишь островком, окруженным могучими и многочисленными армиями Антанты. Вильсон своим предложением поставить на первом плане занятий Парижской конференции вопрос о Лиге Наций и в дальнейшем разрешить под этим углом зрения вопрос о мирном договоре с Германией вначале было смешал все карты своих партнеров. Та формула о Лиге Наций, которая имела в его 14-ти пунктах программы, была слишком неопределенна и больше всего рассчитана на моральное влияние, которое она могла оказать—и оказала—на усталые, жаждущие мира народные массы Центральной Европы. Но привезенные Вильсоном в Европу противоречивые и неразработанные планы организации Лиги Наций, скомпонованные в форме общих мест, этических оснований и нечетких суждений, выражали в своей внутренней, сокровенной социологической ткани реально-политические тенденции американского финансового капитала выйти за пределы своего материка и получить в форме новой организации такую опору, которая позволила бы установить систему европейского равновесия и была бы рупором американского влияния в Европе и, следовательно, в таком центре, вокруг которого переплелись главнейшие проблемы мировой политики. «Только Лига Наций могла дать Америке после войны (не требуя новых вооружений)

¹ См. нашу статью «Германо-американские отношения в конце XIX века». Журнал «Мировое Хозяйство и Мировая Политика». 1926 г. № 10 — 11.

все то, за что она, главным образом, воевала: мир и спокойствие»¹, — так пишет американский апологет вильсонизма, выражая в форме пацифистской сентенции по существу те же самые черты в направлении интересов американской политики, которые проявились в следующих принципах, сформулированных и рекомендованных одним из непримиримых врагов вильсонизма, американским секретарем по иностранным делам Робертом Лансингом: «Когда будут устранены войны и во взаимоотношениях различных народов будут царить правовые основы,—в мирном договоре должны быть выражены три доктрины. Эти доктрины следующие: «Руки прочь», «Открытые двери» и «Гласность». Первая из этих доктрин базируется на земельном владении и праве отдельного народа; вторая—на мировой торговле и мировом хозяйстве, и третья—на международных соглашениях»².

Именно утверждение этих доктрин означало бы создание таких объективных условий, которые способствовали бы внедрению влияния заморского империализма на весь комплекс европейских, а следовательно, и колониальных дел. Вильсоновский план Лиги Наций рассчитан был как бы на то, чтобы включить весь мир в круг действия американской доктрины Монро. В таких условиях всякое нарушение равновесия в системе европейских отношений означало бы американскую интервенцию. Но подобное расширение действия доктрины Монро неминуемо подорвало бы ее американский характер, т. е. систему политической самоизоляции. Гарантия «территориальной неприкосновенности и политической независимости» (будущая статья X статута Лиги Наций), являющаяся основой проекта, была обоюдо-остра и своим обратным концом политически могла привести к реальному срыву американской интерпретации доктрины Монро: увязнув в европейских комбинациях, политика С. Штатов могла оказаться лицом к лицу с фактом вмешательства европейских держав в американские дела. Это было самым сильным аргументом в руках той постепенно усиливающейся оппозиции, которая восстала в Америке против вильсоновских планов. Республиканская партия, руководимая промышленным капиталом, выступила как защитница политики, рассчитанной на внутри-американские силы, на внутренний рынок, как носительница обычного толкования исторически испытанной и благотворной доктрины Монро, и в условиях вызванной, вскоре начавшимся экономическим кризисом, реакции против активного вмеша-

¹ Ray Stannard Baker. Woodrow Wilson and World Settlement Vol. I. p. p. 247—248. (русск. перевод стр. 270).

² Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. Berlin. 1921. S. 57.

тельства в европейские дела, проявляемой в интересах банковского капитала, начала постепенно пользоваться поддержкой различных кругов американского народа. Включение статута Лиги Наций в мирный трактат встретило самую резкую оппозицию в Америке, где считали, что вся эта политическая линия может втянуть Америку в европейские комбинации, не давая взамен никакой гарантии от возможных опасностей, встающих на новом пути. Выразителями поднявшейся в Америке оппозиции Вильсону явились и некоторые участники Парижской конференции (ген. Блосс, Лансинг, проф. Джеймс Браун Скотт). «Я не считаю разумным позволять другим державам ограничивать наше суверенное право в других странах света,—писал Лансинг еще задолго до Парижской конференции, анализируя первые проекты организации Лиги Наций.—В международном представительстве, которое могло бы принудить народы применить свою армию и флот против одного из членов, Америка всегда оставалась бы в меньшинстве»¹.

Явным предостережением политике Вильсона и свидетельством появившегося в Америке поворота к обычной политике самоизоляции была победа республиканцев над демократами при выборах в конгресс еще в ноябре 1918 г., а в марте 1919 г. многие влиятельные сенаторы открыто заявили, что если статут Лиги Наций будет каким-либо образом связан с мирным трактатом, то они будут голосовать против ратификации обоих документов². Рост оппозиции вынудил Вильсона вернуться из Парижа и предпринять пропагандистскую поездку по Америке, не достигшую, однако, поставленной цели. Гарантии, положенные в основу планов организации Лиги Наций, считались в Америке слишком обзывающими и обременительными, а в Париже—недостаточными, но именно они представлялись германской политике обнадеживающими в смысле получения некоего отправного пункта для дальнейшего расширения сферы своего влияния и для противодействия политике Антанты. Политическая идеология вильсонизма, ставшая надеждой германской политики, попала таким образом между двух огней, встретила энергичную внутреннюю и внешне-политическую оппозицию и, дабы не остаться вовсе изолированной и не потерять последнюю долю своего влияния, вынуждена была искать средних линий между борющимися делегациями, устанавливать компромиссы, которые, однако же, оказались для нее самой и для Германии убийственными. Нужно заметить, что Антанта вообще не придавала боль-

¹ Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. S. 30.

² Margarete Rothbarth. Die Grossen Vier am Werk. Beiträge zur Geschichte der Friedenskonferenz. Berlin. 1921. S. 77.

шого значения планам организации Лиги Наций, считая, что этот выставленный в свое время лозунг удачно выполнил свою роль в деле морального ослабления Германии и, следовательно, теперь может быть сдан в архив. Францию, Великобританию, Италию в гораздо большей степени привлекала перспектива дележа результатов победы над Четверным союзом, реализации тех договоров о разделе мира, которые в свое время секретнейшим образом были заключены, и о содержании которых С. Штаты узнали лишь благодаря публикации советского правительства. Вопросы о передвижении границ, о разделе германских колоний, о возложении убытков на побежденных, о дележе германского флота волновали Антанту в гораздо большей степени, чем проблема претворения в жизнь неопределенно-выраженного, практически-неясного, а главное устарелого лозунга о Лиге Наций. Планы организации этого учреждения готовились в Англии еще с 1916 г. и теперь были снова выдвинуты в противовес американскому влиянию в этом вопросе. Английский план, представленный лордом Сесилем, сводился в своих основных чертах к организации верховного учреждения олигархического типа, в котором руководящая роль в разрешении всех вопросов мировой политики осталась бы за концертом пяти великих держав¹. «Заранее нужно признать,—пишет уже цитированный Лансинг,—что Лига Наций является орудием сильных, служащим для затруднения нормального возрастания национальных сил и национального стремления у тех, которых поражение сделало бессильными». Это неоднократно и не только Лансингом подмеченное сходство английского плана организации Лиги Наций, впоследствии в основных чертах претворенного в жизнь, со Священным союзом оправдывается еще одной общей чертой: английский план другим своим острием направлен был против Америки и рассчитан был на уменьшение ее роли в разрешении проблем мировой политики. Недаром Франция в конце концов перешла на английскую точку зрения в этом вопросе, и в результате уступок, сделанных теряющим политическую опору Вильсоном, план этот восторжествовал.

Германия зорко следила, поскольку это вообще возможно было, за работами Парижской конференции и по каждому выдвинутому там вопросу старалась так или иначе формулировать свою точку зрения. Время работало против Германии. Поражение вильсоновского проекта Лиги Наций было вместе с тем крахом для расчетов германской политики. Именно этим следует объяснить предпринятую в Германии пропаганду против, как официально было квалифи-

¹ Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. S. S. 61—69

цировано¹, олигархического устройства Лиги Наций, за ее демократизацию. Германия рассчитывала войти в такую международную организацию, в которой влияние единой Антанты не было бы доминирующим, имело бы свой противовес, в котором Германия получила бы возможность выступить как субъект самостоятельной политики, играющий на противоречиях между державами Антанты, опирающийся на силу американского влияния и сгруппировавший возле себя нейтральные страны. Германия не войдет в Лигу Наций в положении пария,—такова была первоначальная формулировка германской политики, которая, однако же, вскоре, как только выяснились другие требования Антанты, перестала звучать столь резко. Германская политика в этом вопросе стала менее определена, более двусмысленна, ибо из Парижа доносились новые угрожающие вести о лишении Германии колоний.

Пока шла разработка вопросов об организации Лиги Наций, Великобритания поспешила продвинуть и соответствующим образом разрешить вопрос, более всего ее интересующий: вопрос о разделе германских колоний, фактически уже захваченных. В обороте деятельности великих держав находились планы трех систем построения колониальной политики: интернационализация колоний, система получения колониального мандата от Лиги Наций и обычная империалистическая аннексия. Отказ от колониальных аннексий, объявленный в свое время Ллойд Джоржем на конгрессе трэд-юнионов, в Париже был, конечно, забыт. Английский империализм устами представителей доминионов потребовал немедленного раздела и аннексии германских колоний — и был в этом тотчас же поддержан Японией, Францией и Бельгией, также потребовавших удовлетворения своих колониальных притязаний. Даже маленькая Португалия попробовала напомнить о себе, но на нее, конечно, никто внимания не обратил. Дело по существу сводилось к реализации заключенных в свое время сепаратных договоров о разделе германских колоний. Американская программа о самоопределении народов в своих последовательных выводах не могла быть, конечно, применена к разрешению вопросов колониальной политики. Предложенная система мандатов должна была отвечать, в условиях преобладающего влияния С. Штатов в Лиге Наций, интересам американского империализма. «Никаких различий не должно быть сделано для членов Лиги Наций, никому из них не должен быть затруднен доступ к вспомогательным ресурсам страны, все государства должны платить одинаковые пошлины и пользоваться равным правом доступа в коло-

¹ Graf Brockdorf-Rantzau. Dokumente. S. 74.

нии»¹, такова была программа Вильсона, которая означала попытку расширить американскую доктрину Гея — «открытых дверей» — на весь комплекс колониальных вопросов. Американский империализм как бы хотел предложенной системой мандатов нейтрализовать действие секретных договоров, отчасти парализовать колониальную активность своих соперников, создав для себя условия равноправия. Не удивительно, что германская политика, не имея возможности непосредственно повлиять на ход конференции, стала пропагандировать американскую программу, устанавливая противоречия между проводимой Антантой политикой аннексии и соответствующими пунктами вильсоновской программы. Германская политика продолжала требовать возвращения всех своих колоний, соглашаясь, однако, уступить некоторые из них, но не иначе, как по соглашению т.-е. в качестве автономного субъекта самостоятельной политики. Германия, в частности, соглашалась на интернационализацию некоторых частей Африки и намекала о своей готовности уступить Америке некоторые из своих африканских колоний². Германская поддержка была для Америки ничемна перед единым фронтом всей Антанты. В колониальном вопросе Германии не удалось сохранить своей позиции. Американская система мандатов встретила объединенное противодействие всей Антанты, но в результате длительной борьбы восторжествовала (ст. 22 статута Лиги Наций), однако, обратившись лишь в форму, реальным содержанием которой оказалась все та же аннексия. В конце концов уступка, сделанная Антантой, была ей же выгодна: ничем не прикрытая аннексия заставила бы вычесть стоимость германского колониального богатства из общей суммы репарационных требований.

Если Америка, представленная Вильсоном, на первый план работ Конференции выдвигала вопрос о Лиге Наций, если главнейший интерес Великобритании заключался в удовлетворении ее колониальных претензий, а также в том, чтобы не допустить французской гегемонии в Европе, то главнейшей задачей французского империализма являлось, в формулировке его представителей, получение гарантий безопасности, т. е. по существу утверждение своего преимущественного влияния в Европе. Вынужденный под напором американской оппозиции смягчить гарантийные обязательства, включенные в планы Лиги Наций, Вильсон пытался компенсировать Францию договорами, подписанными С. Штатами и Великобританией, гарантирующими ей помощь в слу-

¹ Ray Stannard Baker. Woodrow Wilson and World Settlement. Vol. I. P. 262. (Русский перевод стр. 284).

² Graf Brockdorf-Rantzau. Dokumente. S. 35.

чае нападения Германии¹. Соглашение это не было впоследствии ратифицировано Вашингтоном и вследствие этого было аннулировано Лондоном. Америка, главнейшая цель которой — низвержение германского империализма — была достигнута, — вовсе не расположена была ратификацией гарантийного соглашения обострить франко-германские отношения, в условиях, когда это было в интересах Франции, и без того достигшей самого влиятельного положения в Европе². Но для характеристики французской политики на Парижской конференции можно добавить то, что на отвергнутое впоследствии Америкой гарантийное обязательство Франция согласилась лишь в результате большой борьбы: гарантии казались ей недостаточными. В противовес англо-американским планам Лиги Наций, когда выяснилось, что дело носит серьезно политический, а не лишь пропагандистский и демонстративный характер, французский империализм выставил свой проект (проект Буржуа³), который предусматривал Лигу Наций, как международный штаб военного союза, имеющий в своем распоряжении армию и флот, разрабатывающий планы быстрых военных операций и переброски войск. Французский план требовал введения всеобщей воинской повинности во всех странах (кроме побежденных, конечно), так как предусматривал всеобщее подчинение генеральному штабу. По существу все это свидетельствовало о небывалых попытках французского империализма, обладающего самой сильной армией в Европе, неограниченно расширять свое влияние через подобную организацию генерального штаба, почему-то именуемого Лигой Наций. Французский план не прошел, наткнувшись на единый в этом вопросе англо-американский фронт. Но план этот характерен тем, что он являлся как бы проектом организации тыла, и в этом отношении дополнял экономическую, политическую и военную программу французского империализма. А какова была эта программа, можно уже в основных чертах заключить по той секретной инструкции, которая дана была для французской правительственной прессы: инструкция предлагала, во-первых, усилить оппозицию американской республиканской партии против Вильсона и его политики, во-вторых, преувеличить хаотическое состояние России, и, в-третьих, доказывать, что Германия хочет и может возобновить войну. Вопрос о закулисной роли французской поли-

¹ Англо-французское и франко-американское соглашения от 28 июня 1919 г. «Вестник Народного Комиссарата по Иностранным Дела». 1919. № 2.

² Cp. Robert Lonsing. Die Versailler Friedensverhandlungen. S. S. 135—138.

³ Ray Stannard Baker. Woodrow Wilson and World Settlement. Vol. II p. 12.

тики в деле усиления республиканской оппозиции против американского президента — должен быть оставлен в стороне. Во всяком случае, позитивная программа французского империализма получила возможность быть не только широко развитой на Парижской конференции, но и в значительной мере реализоваться в живой действительности.

То, что на французском языке называлось «безопасность», на языке реального соотношения сил, означало утверждение гегемонии в Европе. Обратная сторона этой программы, абстрагированной от отдельных линий политической практики, сводилась к такому сложному и запутанному комплексу проблем, который можно было бы назвать советско-германским, ибо это сочетание проявилось в каждом крупном пункте, к рассмотрению которого подходили державы-победительницы и вокруг которого разворачивалась порой ожесточенная борьба. Гарантии безопасности, предложенные англо-американским проектом Лиги Наций, не удовлетворили французских империалистов, так же, как впоследствии не ратифицированные и не вступившие в силу гарантии, предоставленные С. Штатами и Великобританией. Французская политика, вынужденная эти гарантии принять, с самого начала считала их как бы не существующими, и выдвинула свою собственную программу, которая заключалась в том, чтобы обессилить Германию, превратить ее в политический объект, подорвать самые основы ее экономической жизни, территориально расчленить, изолировать от Советской России и тем самым задуть революционное движение Восточной и Центральной Европы — эту новую, грозную для империализма, силу. Пути английской политики во многом совпадали с этой программой, однако, далеко не во всем: Германия была побеждена, ее колонии захвачены, ее морская сила была сокрушена, и приходилось считаться с тем, как бы Франция чрезмерно и угрожающе не усилилась за ее счет. Но в одном три руководящие державы на Парижской конференции сходились: в необходимости скорейшего разоружения Германии. Однако мотивы каждой из держав были различны. Англия и особенно Америка рассматривали разоружение Германии, как предпосылку для демобилизации армий, что означало бы удар по французскому милитаризму. Но Франция всячески противилась этой демобилизации, рассматривая свою армию, как силу, необходимую для того, чтобы продиктовать Германии условия порабоощающего мира, и для того, чтобы бороться с революционным движением, охватившим Восточную Европу и углубляющимся в Центральной Европе. В конце концов под влиянием французских требований решено было предоставить Германии право содержать наемную армию в количестве 100.000 человек, исходя из такого расчета, что эта

армия будет достаточной для борьбы с революцией, но не может противостоять соседней, могущественной милитаристической державе. Контроль над германскими вооружениями не попал в руки Лиги Наций, как это предлагала Америка, а был передан специальной контрольной комиссии, главную роль в которой играла та же Франция. Разыгравшаяся между участниками Конференции борьба о судьбах германского флота еще более подчеркнула противоречия интересов великих держав. Ликвидация германского морского флота означала абсолютное господство на морях Великобритании. Это угрожало ее могущественному сопернику в мировой торговле С. Штатам, а также Франции. Американские представители, в их числе и Вильсон, настаивали на том, чтобы сделать американский флот равновеликим английскому, и встретили поддержку Франции, которая, желая увеличить численность своих морских сил, настаивала на разделе германского флота, в то время как для Великобритании в таких условиях лучшим выходом могло быть его потопление.

Так вокруг отдельных пунктов деятельности Парижской конференции вскрывались противоречия интересов великих держав. Это в значительной степени отразилось и на их подходе к проблеме, которую можно было назвать советско-германской, и, которая, с английской точки зрения, весьма выразительно была очерчена Ллойд-Джорджем в его представленном Парижской конференции меморандуме, озаглавленном: «Некоторые соображения к сведению мирной конференции, прежде чем она примет в окончательной редакции свои постановления»¹. «В тот момент, — писал английский премьер, — когда нации измучены войной, которой они отдали свои силы и из которой они вышли истекающими кровью, изнуренными и усталыми, не трудно, конечно, заключить мир на каких угодно условиях. Он будет сохранять силу ровно столько, сколько нужно, чтобы поколение, испытавшее все ужасы войны, сошло со сцены... История доказывает, что всякий мир, продиктованный правительством и дипломатами победоносной нации, всегда, даже в случае его умеренности, заключал в себе непредвиденные опасности для победителей... Можно забрать у Германии колонии, заставить ее разоружить на четыре пятых свой флот и свести до размеров полицейского отряда ее армию. И все же она сохранит убеждение, что в 1919 г. при заключении мира над ней было совершено насилие, она найдет средства реванша... Я решительный противник того, чтобы отнять у Германии значительные слои немецкого населения без крайней необходимости. Нет более

¹ Меморандум этот в свое время в больших выдержках опубликован был в английской и американской печати, а полностью приведен у Ф. Нитти. Европа без мира. 1923 г. Стр. 82 — 90.

верного способа вызвать новые войны в будущем, как это желание окружить германский народ, доказавший неоднократно силу своей расы, мелкими государствами, не знавшими никогда в прошлом твердой правительственной системы и стремящимися ныне к подчинению целых слоев немцев, которые страстно желают воссоединиться со своим отечеством. Однако, помимо желания уничтожить в зародыше все те причины, которые могут вызвать новую войну через тридцать лет, существует другое, еще более веское соображение в пользу длительного мира... Революция находится в своем начале. В России царствует неистовый террор. Вся Европа проникнута революционным духом. Существует не только недовольство, но и ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка. В некоторых странах, как в Германии и России, это брожение выливается в форму открытого восстания; в других странах, как Франция, Англия, Италия, недовольство проявляется в стачках... Добрую часть этого недовольства надо признать здоровой... Опасно бросить европейские массы в объятия экстремистов, которые строят свои планы возрождения человечества на полном разрушении настоящего социального порядка. Они восторжествовали в России... Каким-то путем большевики ухитрились удержать свое влияние на массы русского народа и, что является еще более знаменательным, они сумели создать крупную, повидимому, хорошо дисциплинированную армию, которая в большей своей части готова принести любые жертвы за свои идеалы...

«Наибольшую опасность современного положения я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. Германия может предоставить России свои богатства, свой опыт, свои организационные способности... Эта опасность не простая химера. Современное германское правительство слабо и не пользуется престижем; оно держится только потому, что вне его имеется лишь возможность захвата власти спартакистами, а для этого Германия еще не созрела. Однако спартакисты пользуются моментом с большим успехом... Если в Германии власть будет захвачена спартакистами, она неизбежно соединит свои судьбы с судьбой большевистской России. Если это произойдет, вся восточная Европа будет вовлечена в большевистскую революцию, и через год перед нами будет под командой немецких генералов и инструкторов многочисленная красная армия, снабженная немецкими пушками и пулеметами и готовая к нападению на Западную Европу... Мы должны быть достаточно умны,

чтобы предложить Германии такой справедливый мир, который для всех здравомыслящих людей будет предпочтительней господства большевизма... Наконец, если мирная конференция действительно хочет обеспечить Европе мир и порядок, которые все разумные люди должны предпочитать анархии, она должна обсудить положение дел в России. Большевицкий империализм угрожает не только странам, граничащим с Россией, он угрожает также всей Азии, и Америка отстоит от него не дальше, чем Франция».

Характерной чертой этого меморандума является то, что за предложенным анализом и данной оценкой общеевропейской ситуации выступает не только политическая программа английской политики, но и явная критика того течения, по которому шла работа Парижской конференции и которое выражало преобладающее значение французской политики, захватившей руководящую роль и действующей под непосредственным влиянием интересов тяжелой индустрии. Французская программа, проводившая под знаком необходимости решительной борьбы с европейским революционным движением специфические интересы тяжелой индустрии, в своих главных и основных чертах развернута была 12 января 1919 года на совещании Верховного Военного Совета. В своем крайнем выражении она требовала объявить беспощадную борьбу с европейским большевизмом, отправить через Германию большие армии в Польшу для того, чтобы произвести интервенцию против Советской России, использовать для этой цели находящихся в Германии русских военнопленных и, наконец, длительную военную оккупацию Рейна¹. И вся последующая программа, выдвинутая французским империализмом и в основных своих чертах реализованная в результате деятельности Парижской конференции, имела в своей конечной цели или в своей аргументации три заострения, направленные, с одной стороны, против Германии, с другой стороны, против Советской России и, наконец, на то, чтобы не допустить углубления революционного процесса и образования мощного союза революционных стран Восточной и Центральной Европы. Вопрос присоединения Эльзас-Лотарингии к Франции был предрешен, и если в связи с ним и возникли споры на Парижской конференции, то только о том, следует ли немецкую собственность, передаваемую вместе с областями, зачислить в счет будущих германских репараций. Требование Германской политики произвести плебисцит в Эльзас-Лотарингии² было оставлено без внимания. Гораздо более серьезные столкновения вызвали французские притя-

¹ Ray Stannard Beker. Woodrow Wilson and World Settlement. Vol. II p. 8—11.

² Graf Brockdorf-Rantzau. Dokumente, S. 45.

зания на весь левый берег Рейна. Уже условия перемирия фактически разрешили вопрос об оккупации Рейнланда, и теперь наиболее яркий представитель французского империализма, Фош, повел настойчивую политическую атаку против своих союзников с целью добиться от них включения в мирный трактат условия о полном отторжении от Германии богатой Рейнской области, которую предполагали сделать широким военно-стратегическим базисом для того, чтобы постоянно держать под ударом Германию и чтобы иметь возможность приступить к оперативным действиям в борьбе против революции. «Оккупация линии Рейна, — аргументировали французские представители, — необходима для Франции, так как Франция имеет населения вдвое меньше, чем Германия, потеряла союзную поддержку России и не имеет достаточно хороших естественных границ»¹.

В свое время Франция обеспечила эти свои притязания секретным договором с Россией, заключенным 14 февраля 1917 г., — но подготовленная поддержка была снесена революцией, а со стороны Англии и Америки было проявлено сильное противодействие, объясняющееся опасением чрезмерного усиления Франции на континенте и создания, по выражению Ллод Джорджа, новой Эльзас-Лотарингии². Предложенная англо-американская гарантия безопасности и являлась для Франции компенсацией за отказ от ее притязаний относительно левого берега Рейна. Французы всячески настаивали на своем требовании образования на Рейне буферной республики, создали и стали политически поддерживать сепаратистское движение и, в конце концов, добились от Конференции не только демилитаризации, но оккупации, ограниченной, однако, пятнадцатилетним сроком. Проводя программу территориального расчленения и подрыва самых основ народно-хозяйственной жизни Германии, французская политика полностью проводила линию интересов своей тяжелой индустрии относительно Саарского бассейна. «Если бы Франция в момент заключения мира не владела Саарским бассейном, ее экономическое положение было бы ужасным, — гласил соответствующий французский меморандум. — Этот бассейн необходим не только для Эльзас-Лотарингии, потребляющей на 7 миллионов тонн угля больше, чем она производит, но также и для самой Франции. До войны Франция импортировала до 23 миллионов тонн ежегодно. Теперь же, при присоединении Эльзас-

¹ André Tardieu. La Paix. Paris. 1921, p. 197. Note sur la suggestion présentée le 14 mars 1919.

² Charles Homer Haskins. Les nouvelles frontières de l'Allemagne. В сборнике Ce qui se passa réellement à Paris en 1918—1919. Histoire de la Conférence de la Paix par les délégués américains, publié par le colonel House et Charles Seymour. Paris 1922. P. 54.

Лотарингии, она, не имея Саарского бассейна, принуждена была бы импортировать до 30 миллионов тонн даже после восстановления своих северных копей, а до этого — свыше 50 миллионов, при общем потреблении в 75 миллионов... Иначе говоря, — гласил далее меморандум, — Франция была бы экономически зависящей от Германии, которая этим углем контролировала бы цены всей нашей западной металлургии и играла бы преобладающую роль в нашей политике... В настоящее время Эльзас-Лотарингия, Франция, Италия и Швейцария являются по отношению к Саарскому бассейну крупными покупателями. Возвращение Эльзас-Лотарингии Франции и ориентация, которую Германия добровольно создала в Саарском бассейне, могут в дальнейшем лишь усилить это положение»¹.

Неожиданная французская аргументация в виде обоснованных исторических прав на восстановление Франции в границах 1814 года не стоит рассмотрения, ибо она является лишь риторической формулой и производной основой программы, — присоединить к французской железной руде богатейшие угольные районы и поразить этим Германию в самое сердце: лишить угля — это означало подорвать жизненный нерв электрической, стальной, химической промышленности. В виде компенсации за разрушение угольных копей северной Франции, угольные копи Саарского бассейна перешли в полное владение Франции, получившей исключительное право эксплуатации, а управление областью было решено передать Лиге Наций на пятнадцать лет с тем, чтобы по истечении этого срока был произведен плебисцит. Таким образом, интересы французской металлургии определили и постановку и решение никогда ранее не поднимавшегося вопроса: область, не насчитывающая в своем населении более ста французов, была отторгнута от Германии, а ее природные и экономические ресурсы оказались в руках Франции. Французская программа, рассчитанная на то, чтобы парализовать германскую индустрию, проводилась достаточно твердо: присоединив к себе Эльзас-Лотарингию, Франция лишила Германию 75% ее общей добычи железа; отторгнув Саарский район — она лишила Германию богатейшего угольного района, из остатка угольной добычи Германии навязывалась выдача Франции, Бельгии, Италии и Люксембургу угля или кокса в счет общего плана репараций, наконец, французы добились на конференции и того, чтобы в Верхней Силезии, где Германия получала около 23% своей общей добычи угля, был произведен плебисцит, и хотя этот проведенный впоследствии (в 1921 г.) плебисцит дал поло-

¹ Mémoire présenté par la Delegation française напечатан у André Tardieu. La Paix p.p. 279—289.

жительные для Германии результаты, богатейшая часть Верхней Силезии была передана Польше. Эта история вопроса о Верхней Силезии весьма характерна, ибо тут вскрываются две основные, переплетенные между собою, линии французской политики. Одна из них направлена на то, чтобы вырвать у Германии самую основу ее экономической деятельности, подорвать ее народно-хозяйственный организм, — и эта линия впоследствии приведет Францию к рурской эпопее. Другая линия направлена была на то, чтобы расчленить Германию, окружить ее новыми государственно-политическими формациями, которые играли бы роль барьера между нею и Советской Россией, в целях максимального ослабления политического влияния обеих стран, локализации и удушения революционного движения и борьбы с Советской Россией. В свете этих основных линий французского империализма, характеризующих его политику по отношению к Германии и Советской России, и делаются понятными те идеологические конструкции, которые представлены были в докладных записках Габриэля Аното и которые в откровенной и резкой форме отражали истинные, но в полной мере не реализованные цели французской политики. Теоретическим фундаментом служило утверждение, что центробежные силы Германии превосходят центростремительные, что послереволюционную Германию следует рассматривать просто как побежденный империализм, всегда готовый к реваншу и опасный возможностью сближения с Советской Россией¹. Аното считал необходимым раздробление «Бисмарковской», т. е. единой Германии, соответственно с этим предлагал вести мирные переговоры сепаратно с каждой из составляющих Германию политических единиц, а в качестве гарантий рекомендовал оккупировать германскую территорию не более и не менее, как до самой Эльбы². Участник Парижской конференции и французский редактор Версальского трактата, Тардье, передает, что в руководящих кругах французской политики эти конструкции и планы Габриэля Аното считались неосуществимыми (*irréalisable*³). Однако, если они и были неосуществимыми, то только в том смысле, что их не удалось осуществить: основная же тенденция французской политики — направленная на то, чтобы не только экономически обессилить, но и, если возможно, политически раздробить Германию, окружить ее системой новообразуемых государств и оградить ее валом от Советской России, — эта тенденция достаточно определенно выступала в конкретных актах французской политики. Франция была организатором

¹ Gabriel Hanotaux. Le Traité de Versailles. p.p. 250—257.

² Ib. p.p. 196—208.

³ André Tardieu. La Paix, p. 417.

сепаратистского движения на Рейне, в Саарской области, поддерживала сепаратизм в Баварии, сумела впоследствии передать Верхнюю Силезию Польше, воспрепятствовала, вопреки единогласному постановлению Германского Национального Собрания (21 февраля 1919 г.) и, — что еще более важно, — вопреки американской территориальной программе¹ в этом пункте поддержанной Италией², воссоединению немецкой Австрии с Германской республикой. Наконец, на развалинах Австро-Венгерской монархии, присоединив сюда отрезки германской территории, — Франция создала систему новых государственных образований, связав их с собой военным союзом, и таким образом получила базу влияния в Центральной и Восточной Европе и установила заслон против революционного и политического влияния Советской России. Все это явно выражало то, что Франция стремится занять положение гегемона на континенте — и именно этим объясняется та критическая позиция, занятая английской политикой, которая выражена была в вышецитированном, предостерегающем меморандуме Ллойд Джорджа. «Конференция решила создать ряд новых государств, — гласила французская ответная нота. — Может ли она, не будучи несправедливой, принести их в жертву, заставив их, в угоду Германии согласиться на неприемлемые границы? Если эти народы — Польша, Богемия, — особенно противостоят до сих пор большевизму, то это исключительно под влиянием национального чувства. Если эти чувства будут попораны, большевизм найдет тут почву, и единственная преграда, существующая до сих пор между русским и немецким большевизмом, будет сломлена. В результате получится либо конфедерация Восточной Европы под предводительством большевистской Германии, либо покорение этих стран Германией, пережившей реакцию в результате всеобщей анархии. В обоих случаях союзники проиграют войну. Французская политика, наоборот, всячески поддерживает новые государства»³.

И именно французской политикой раздробить единство Германии, расширить барьер между последней и Советской Россией и следует объяснить то, что Польша, — «Франция на Востоке» — получила, так называемый, Данцигский коридор с двумя миллионами немецкого населения, перерезывающий надвое живое тело германской территории. И только благодаря англо-американскому противодействию Франции не удалось отдать Польше Данциг, который, в виде компромиса, превратили в вольный город. При поддержке и даже под непосредственным руководством французского

¹ Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. S. S. 144—147

² Margarette Rothbarth. Die Grosse Vier am Werk. S. S. 70.

³ André Tardieu. La Paix. p. 130.

генерального штаба, Польша, Чехо-Словакия, Румыния спешили организовать большие армии, и еще в апреле 1919 г. американский военный агент в своем секретном докладе относительно положения в Восточной Европе указывал, что Франция подготавливает себе союзников, что насаждаемая ею в Польше милитаристическая система более опасна, чем большевизм, — и рекомендовал американской политике, в противовес французскому влиянию в Польше, поддерживать украинцев, борющихся и с поляками, и с большевизмом¹. Этот доклад дает любопытную иллюстрацию той борьбы, которая происходила между победителями на Парижской конференции не только по вопросу об условиях мирного договора с Германией, но и по вопросу о Советской России.

Версальский договор заключает в себе лишь несколько статей, так или иначе относящихся непосредственно к России², между тем, на Парижской конференции, где выработывали этот договор, вопрос о Советской России, как уже неоднократно было указано, играл одну из доминирующих ролей. Вопрос о борьбе с Советской Россией ставился не только отраженно через призму Германской проблемы, но и вполне самостоятельно.

С большим приближением к объективному соотношению вещей можно сказать, что политика Англии по отношению к России была весьма похожа на политику Франции по отношению к Германии. Эта политика рассчитана была на то, чтобы разрушить государство, занимающее шестую часть мира, вывести из строя могучего исторического соперника, ликвидировать его влияние на Востоке, не допустить возможности его союза с Германией. «Нет больше России! восклицал в своем интимном дневнике один из представителей старой английской дипломатии, британский посол в Париже лорд Берти. — Она распалась и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., сколько бы их ни удалось сфабриковать, то по мне — остальное может убираться к чорту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами»³. Однако, дело осложнялось еще тем,

¹ Memorandum confidentiel pour la Commission americaine de la Paix. Ray Stannard Baker. Le President Wilson et le Règlement franco — allemand. Paris 1924. p.p. 95—101.

² F. Zittelmann. Russland im Friedensvertrage von Versailles. Berlin 1920.

³ Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914 — 1919. Пер. Е. С. Берловича М.-Лг. 1927 г. С. 191.

что на территории Российской империи возникла Советская республика. К тому же, Америка в поисках противовеса Английскому влиянию в мировой политике, усилившемуся в результате крушения германского империализма, вовсе не склонна была поддерживать английские планы в том виде, как они развиты были лордом Берти. Вильсоновская программа о самоопределении народов в своем конкретно-политическом выражении очень хорошо приспособлялась к реальным интересам американской политики или к трезвому учету соотношения сил. По существу программа эта, будучи развитой последовательно, до своего логического конца, как правильно отметил американский противник вильсонизма Лансинг, была начинена динамитом, но все дело в том, что она, как и весь вильсонизм, был лишь идеологическим и искривленным продолжением основных тенденций американской политики, как если бы они действовали вне соответствующего контекста и противодействия реальных сил. Вильсон, не желая допустить чрезмерного усиления Франции в балканизированной Европе, поддерживал план присоединения немецкой Австрии к Германии, — и тут принцип самоопределения народов выступал во всей своей силе. Но было бы безнадежно требовать проведения этого принципа в английских колониях, ибо это означало бы крушение Британской империи, — и право народов на самоопределение имело все основания быть забытым. Территориальная программа Вильсона, исходя из оценки общей системы международно-политических отношений, как они рисовались под углом зрения американских интересов, преследовала цель восстановления на территории бывшей Российской империи единого крупного государственно-политического целого, исключив отсюда только Польшу и Финляндию¹. В колониальном вопросе принцип шел дальше объективной возможности, в «русском» вопросе он не отвечал реальным интересам американской политики. В свете англо-американских противоречий времени начала работ Парижской конференции и делаются понятными статьи Гарвина в „Observer“ об американском покровительстве делу восстановления России.

Через несколько дней после официального открытия мирной Конференции Вильсон сделал в Совете Десяти сообщение о переговорах, имевших место между американским и советским представителями. Как передает английский историк Парижской конференции, Совет Десяти, обсуждая вопрос борьбы с Советской Республикой и разрешения «русского вопроса», стал перед тремя возможностями: во-первых, приступить к активной военной интер-

¹ Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen S. 75.

венции, во-вторых, установить кордон между Советской Республикой и Европой и, наконец, в-третьих, непосредственно договориться с советским правительством и для этого пригласить его представителей,—но не от имени конференции, а от имени великих держав,—в Париж¹. Французский план завоевания Советской России был явно неосуществим и опасен, ибо тут вставал вопрос не только о советском противодействии, о позиции остающейся в тылу Германии, но и о том, кто это должен сделать. Вильсон совершенно недвусмысленно указал на то, что ни американская, ни английская армии не согласятся воевать против Советской республики за реставрацию в России, и предложил воспользоваться мирным предложением советского правительства², пригласить его представителей в Париж и попробовать политически взять их на капитуляцию. Предложение Ллойд-Джорджа о приглашении на конференцию всех правительств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи было поддержано Вильсоном, а так как Клемансо решительно воспротивился приглашению советских представителей в Париж,—то и возник план о созыве конференции на Принцевых островах. Советское правительство, узнавшее о созываемой конференции окольным путем, выразило согласие вести переговоры, отметив при этом готовность сделать уступку в вопросе о долгах и предоставить Антанте ряд концессий³. Но Франция сделала все от нее зависящее, чтобы сорвать созываемую конференцию,—вплоть до того, что задержала приглашение, адресованное советскому правительству, и инспирировала антисоветские правительства ответить отказом, обещая им за это свою поддержку⁴. К тому же образовавшаяся в Америке под руководством республиканцев и при поддержке части демократов сильная оппозиция выступила также против попытки Вильсона договориться с Советской республикой. Конференция в таких условиях не состоялась,—и следующей попыткой американского правительства в этом направлении явилась специальная миссия в Москве бывшего редактора „Philadelphia publik Ledger“ Вильяма Буллаита, вступившего в переговоры с Лениным. Переговоры эти, как известно, закончились выработанным проектом договора,—который, если бы он вступил в силу, дал бы некоторую передышку Советской России, ибо одним из условий договора являлось прекращение блокады и отказ Антанты от интер-

¹ Temperley. A History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI. London 1924. p.p. 312—313.

² Нота Чичерина — Государственному Секретарю С. Штатов от 2 января 1919 г.

³ Ответ Нар. Комиссариата по Иностр. Делах РСФСР от 4 февраля 1919 г.

⁴ Margarette Rothbarth. Die Grossen Vier am Werk. S. S. 95—96.

венции и от поддержки контрреволюционных правительств¹. Но объединившиеся реакционные элементы Антанты (главными представителями их во Франции были Клемансо, маршал Фош, в Англии—Черчилль, в Америке—сенаторы Кинг, Маперс, Шерман), воспользовавшись начавшимся наступлением армии Колчака, повели сильную кампанию против политики переговоров с Советской республикой, и привезенный Буллайтом проект договора остался неподписанным, а сделанное впоследствии (3 апреля) Нансеном предложение об организации благотворительной помощи России также повисло в воздухе. В Совете Четырех снова стали рассматриваться планы, представленные французскими министрами, об образовании тотчас же по подписании мирного договора с Германией объединенной армии для борьбы с большевизмом. Маршал Фош представил план организации армии, составленной из французов, англичан, американцев, сербов и румын, для борьбы с Советской Россией и Советской Венгрией. Антанта стала совершенно определено на путь интервенции, вооруженной борьбы с революцией и поддержки антисоветских сил. Поворот был сделан так резко, что свергнутый австрийский император решился через третьих лиц предложить Антанте восстановление двуединой монархии, как радикальное средство в борьбе с расширением революционной зоны в Центральной Европе²). Скорейшее подписание мирного договора с Германией являлось, в таких условиях, первой предпосылкой для дальнейшего наступления империалистической Антанты.

Время продолжало работать против Германии. Условия возобновленного перемирия все более ухудшались, единственная опора, избранная германской политикой,—вильсонизм,—потерпела на Конференции поражение. По мере того, как Антанта продвигалась в деле выработки условий закабаления Германии, последняя вынуждена была открыто объявлять о своем согласии идти на уступки далее предусмотренных Вильсоновскими пунктами. В апреле германская политика выразила согласие на уступки не только в территориальных, но и в финансовых вопросах. Правовая база условий перемирия была оставлена. Антанте предлагалось лишь принять во внимание экономическое и политическое положение Германии. «Только экономически возрожденная Германия может помочь ее прежним врагам исправить убытки, нанесенные войной»³ — так аргументировал граф Брокдорф-Рантцау перед Германским Наци-

¹ М. Н. Покровский. Внешняя политика царской России в XX в. Ср. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia.

² Ray Stannard Baker. Le President Wilson et le Règlement franco-allemand. p.p. 117—119.

³ Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. S. 87. Rede vor dem Verfassungsgebenden National—Versammlung. 10. April 1919.

ональным Собранием, обращаясь, конечно, в сторону Парижа. Руководитель германской внешней политики еще не знал, что выработанная в Париже система репараций была рассчитана именно на то, чтобы не дать возможности Германии экономически окрепнуть, чтобы держать народно-хозяйственный организм Германии под постоянным комбинированным ударом, и что если бы перед французским империализмом стоял свободный, но необходимый выбор между аккуратным получением репарационных платежей и полным распадом Германии, избрано было бы последнее. Когда принятые в Париже решения о судьбе Саарской области и левого берега Рейна стали известны, германская политика, подчеркивая несоответствие этих решений с Вильсоновской программой, впервые взяла более резкий и решительный тон, угрожая неподписанием подготавливаемого трактата. Одновременно Германия попыталась отстоять Саарскую область, выражая согласие приступить к переговорам с Францией и заключить экономическое соглашение. В Париже не было на это обращено никакого внимания. Германия продолжала оставаться совершенно изолированной, — и тут, поняв, что колониальная деятельность для Германии закрылась, что возможность как-либо договориться с Антантой совершенно безнадежна, германская политика сделала первый слабый поворот в сторону Востока, сделала первый, более чем осторожный дипломатический шаг в поисках установления первичных связей с Советской Россией.

Антанта могла быть удовлетворена: возможность советско-германского союза не была осуществлена. Германия, представители которой были приглашены в Версаль для получения выработанных условий мира, оказалась перед лицом Антанты слабой, разбитой и совершенно изолированной. Все попытки германских представителей добиться личных переговоров с победителями оказались безрезультатными. Кое-какие закулисные зондирования возможности договориться с Америкой и Англией, — если они и были, — ни к чему не привели. Условия Версальского трактата оказались гораздо более тяжелыми, чем это в Германии предполагали: они были не выполнимы. Перед Германией встал вопрос о том, как она «сможет выполнить свою обязанность финансового вознаграждения без того, чтобы быть раздавленной под тяжелым бременем»¹.

Апелляция к вильсоновской программе оказалась беспредметной. Германия пыталась вначале смягчить условия по отдельным вопросам (вопрос о виновности в возникно-

¹ Materialien, betreffend die Friedensverhandlungen. Teil I. Rede des Reichsministers des Auswärtigen Grafen Brockdorf-Rantzau. № 2. S. 15.

вании войны, Саарский вопрос, вопрос о принятии в Лигу Наций и др.), но получила категорический отказ¹. Такова же была судьба и всей системы германских контр-предложений². В результате переписки германским представителям удалось добиться лишь крайне мизерных уступок: обещания плебисцита в Верхней Силезии, кое-каких мелких территориальных изменений в Познани, Силезии и Померании и др. Самые основы разработанных Парижской конференцией условий остались без изменения. Идеологический стержень всей версальской конструкции — признание Германии виновницей войны, — был по настоянию Франции лишний раз и резко подчеркнут победившей Антантой³, которая считала всякие переговоры оконченными и ультимативно предложила подписать трактат так, как он есть. 22 июня, т. е. накануне истечения срока ультиматума, Германское Национальное Собрание большинством голосов решило подписать продиктованный договор, оговорив при этом, что Германия отказывается признавать себя единственной виновницей войны (ст. 231 Версальского Трактата) и отказывается выдать своих граждан, обвиняемых Антантой в нарушении во время войны международного права. Антанта отказалась принять эти оговорки и потребовала, под угрозой возобновления военных действий, принятия Версальского договора полностью. Германия и на это вынуждена была согласиться, и 28 июля 1919 г. там, где за 47 лет до этого была провозглашена Германская империя,⁴ был подписан Версальский трактат. Германия была поработана и изолирована, и Антанта могла приступить к активной борьбе с Советской Россией. Почти ровно за месяц (26 мая) до подписания Версальского трактата Верховный Совет союзников поставил вопрос о постоянной помощи контрреволюционному правительству адмирала Колчака, а вскоре (12 июня) разрешил его в положительную сторону. А когда в октябре того же года Антанта объявила блокаду Советской России и предложила Германии принять в этом участие, последняя под угрозой советского правительства принять против нее соответствующие мероприятия⁴, отказалась выполнить требование Антанты, выразив, однако, согласие принять участие в других мерах

¹ Materialien. T. I, II.

² Mantelnote und Antwort der Alliierten und Assoziierten Mächte auf die deutsche Gegenanschläge. Charlottenburg. 1919.

³ Materialien. Teil I. № 13. Französische Note von 20. Mai 1919 betreffend Schuldfrage.

⁴ Радио-телеграмма народного комиссара иностранных дел РСФСР Чичерина на имя германского министра иностранных дел от 20-го октября 1919 г.

борьбы «против большевизма»¹. Это двойственное положение Германии в сложившейся тогда системе международно-политических отношений являлось логическим завершением общей социально-политической ориентации ее правящих классов, которые напрягали все усилия, чтобы избежать социальной революции. Германия искала выхода в вильсонизме и попала в тупик Версальской системы. Избежав социальной революции, она получила, по выражению Клемансо, Карфагенский мир.

¹ Lucien Graux. Histoire des Violations du Traité de Paix. Tome premier. Paris 1921. p. 336. Documents annexes.